

Научная статья
УДК 342.5+32
EDN NDCAVW

Организационно-правовые основы государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных ценностей

Наталья Евгеньевна Шакурова^{1, 2}

¹Государственный университет просвещения, Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

natalyapretty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3229-095X>

Аннотация

Введение. Конституционная реформа 2020 г. изменила не отдельные нормы, а смысловую конструкцию Основного закона. В ст. 67.1, 72, 75.1, 114 законодатель ввел категории, прежде остававшиеся за пределами высшего нормативного уровня: историческую правду, защиту брака как союза мужчины и женщины, сохранение традиционных семейных ценностей. Уже это потребовало доктринальной перенастройки. Затем последовал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее по тексту – Основы), а к концу 2024 г. корпус «защитного» отраслевого законодательства расширился до полутора десятков федеральных законов. К началу 2026 г. государственная политика по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей превратилась в обширную нормативную систему, чей контур еще не получил исчерпывающего юридического описания.

Цель. Систематизировать организационно-правовой механизм государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей, сложившийся к 2026 году; определить его иерархию, выявить характер связей между конституционным аксиологическим ядром, программно-стратегическими актами Президента и Правительства РФ и отраслевым «защитным» законодательством; оценить степень нормативной зрелости региональной модели в субъектах Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Методы. Работа опирается на формально-юридический метод (анализ положений ст. 67.1, 72, 75.1, 114 Конституции Российской Федерации в редакции 2020 г., Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, корпуса федеральных законов № 304-ФЗ, 489-ФЗ, 478-ФЗ, 479-ФЗ, 386-ФЗ, 411-ФЗ); системно-структурный метод (построение иерархической карты источников); сравнительно-правовой метод (сопоставление региональных моделей республик Северного Кавказа и краев Юга России); элементы аксиологического анализа доктринальных позиций (Бондарь, Зорькин, Хабриева, Пермиловский, Чуйченко); статистический метод применен к эмпирическим данным ВЦИОМ, ФОМ и Росстата.

Результаты. Установлено, что к 2026 г. сложилась трехуровневая нормативная архитектура: конституционное аксиологическое ядро, программно-стратегический слой (Указ № 809, Стратегия национальной безопасности), отраслевая операциональная надстройка. Указ № 809 содержит легальную дефиницию традиционных ценностей и закрытый перечень из семнадцати ориентиров, дублирующий п. 91 Стратегии национальной безопасности. Корпус «защитного» законодательства 2020–2024 гг. формирует запретительный сегмент. Северо-Кавказская модель отличается тройственной структурой «государство, традиционные конфессии, этнокультурные обычаи»; чеченская концепция духовно-нравственного воспитания (Указ Главы ЧР от 5 октября 2021 г. № 177) демонстрирует наибольшую концептуальную проработанность. При высоком уровне общественной поддержки (84 % по ВЦИОМ-2025; 85 % по ФОМ-2024) демографические индикаторы свидетельствуют о разрыве между декларацией и поведением.

Выводы. Организационно-правовые основы политики по сохранению традиционных ценностей оформились как самостоятельный нормативный комплекс на стыке конституционного, административного и информационного права. Юридическая природа Указа № 809 остается дискуссионной: высказанное в литературе предложение о принятии одноименного федерального закона имеет основания, но требует разрешения вопроса о соотношении такого акта со ст. 13 Конституции РФ о запрете государственной идеологии. Региональный сегмент Северного Кавказа представляет наиболее зрелую модель, заслуживающую самостоятельного теоретического обобщения. Сформулированы предложения *de lege ferenda*: введение института ценностной экспертизы проектов нормативных правовых актов; кодификация регионального законодательства о духовно-нравственном воспитании; расширение полномочий межведомственной комиссии по историческому просвещению.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, конституционные ценности, Указ Президента № 809, Стратегия национальной безопасности, защита семьи, конституционные поправки 2020 года, ценностная экспертиза, региональное законодательство, Северо-Кавказский федеральный округ, правовая аксиология

Для цитирования: Шакурова Н. Е. Организационно-правовые основы государственной политики Российской Федерации по сохранению традиционных ценностей // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 81–93. EDN NDCAVW

Original article

Organizational and legal bases of the state policy of the Russian Federation for the preservation of traditional values

Natalia E. Shakurova^{1,2}

¹State University of Education, Moscow, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

natalyapretty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3229-095X>

Abstract

Introduction. The 2020 constitutional reform changed not individual norms, but the semantic structure of the Basic Law. In Articles 67.1, 72, 75.1, 114, the legislator introduced categories that had previously remained outside the highest regulatory level: historical truth, protection of marriage as a union of a man and a woman, and the preservation of traditional family values. This has already required a doctrinal re-adjustment. This was followed by Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 (hereinafter referred to as the Basics), and by the end of 2024, the body of "protective" sectoral legislation had expanded to one and a half dozen federal laws. By the beginning of 2026, the state policy on the preservation of traditional spiritual and moral values had turned into an extensive regulatory system, whose outline had not yet received an exhaustive legal description.

Purpose. To systematize the organizational and legal mechanism of the Russian Federation's state policy for preserving traditional spiritual and moral values that has taken shape by 2026; to determine its hierarchy; to identify the relationships between the constitutional axiological core, the program-strategic acts of the President and the Government, and the sectoral "protective" legislation; to assess the degree of normative maturity of the regional model in the constituent entities of the North Caucasian and Southern Federal Districts.

Methods. The work relies on the formal-legal method (analysis of articles 67.1, 72, 75.1, 114 of the Constitution of the Russian Federation in the 2020 wording, Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022, the body of federal laws Nos. 304, 489, 478, 479, 386, 411); the system-structural method (construction of a hierarchical map of sources); the comparative-legal method (comparison of regional models of the North Caucasian republics and the regions of the Russian South); elements of axiological analysis of doctrinal positions (Bondar, Zorkin, Khabrieva, Permilovsky, Chuychenko); the statistical method is applied to empirical data of VTsIOM, FOM, and Rosstat.

Results. It has been established that by 2026 a three-level normative architecture has taken shape: the constitutional axiological core; the program-strategic layer (Decree No. 809, the National Security Strategy); and the sectoral operational superstructure. Decree No. 809 contains a legal definition of traditional values and a closed list of seventeen reference points that duplicates paragraph 91 of the National Security Strategy. The body of "protective" legislation of 2020-2024 forms the prohibitive segment.

The North Caucasian model is distinguished by a triple structure of "state, traditional confessions, and ethno-cultural customs"; the Chechen concept of spiritual and moral education (Decree of the Head of the Chechen Republic of October 5, 2021 No. 177) demonstrates the greatest conceptual elaboration. With a high level of public support (84% per VTsIOM-2025; 85% per FOM-2024), demographic indicators testify to a gap between declaration and behavior.

Conclusions. The organizational and legal foundations of the policy for preserving traditional values have taken shape as an independent normative complex at the intersection of constitutional, administrative, and information law. The legal nature of Decree No. 809 remains debatable: the proposal expressed in the literature to adopt a federal law of the same name has grounds, but requires resolving the question of how such an act relates to Article 13 of the Constitution prohibiting state ideology. The North Caucasian regional segment represents the most mature model deserving of independent theoretical generalization. Proposals *de lege ferenda* are formulated: introducing the institute of value-based examination of draft regulatory legal acts; codification of regional legislation on spiritual and moral education; expanding the powers of the interdepartmental commission on historical education.

Keywords: traditional spiritual and moral values, constitutional values, Presidential Decree No. 809, National Security Strategy, family protection, constitutional amendments of 2020, value-based examination, regional legislation, North Caucasian Federal District, legal axiology

For citation: Shakurova N. E. Organizational and legal foundations of the state policy of the Russian Federation for the preservation of traditional values. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(2):81–93. (In Russ.). EDN NDCAVW

Введение

Конституционная реформа 2020 г. изменила не отдельные нормы, а смысловую конструкцию Основного закона. В ст. 67.1, 72, 75.1, 114 законодатель ввел категории, прежде остававшиеся за пределами высшего нормативного уровня: историческую правду, защиту брака как союза мужчины и женщины, сохранение традиционных семейных ценностей. Уже это потребовало доктринальной перенастройки. Затем последовал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее по тексту - Основы), а к концу 2024 г. корпус «защитного» отраслевого законодательства расширился до полутора десятков федеральных законов. К началу 2026 г. государственная политика по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей превратилась в обширную нормативную систему, чей контур еще не получил исчерпывающего юридического описания.

Парадоксально другое. Декларативная поддержка традиционализма достигла исторических значений (по данным ВЦИОМ, в июле 2025 г. 84% респондентов высказались за сохранение традиционных семейных ценностей; по данным ФОМ, 85% самоидентифицируют себя как приверженцев таких ценностей), однако ключевой демографический индикатор (суммарный коэффициент рождаемости) опустился в декабре 2025 г. до 1,374, минимума с конца 1990-х гг. Разнонаправленность нормативной решимости и поведенческой практики ставит вопрос об эффективности самого правового механизма.

В научной литературе исследовались отдельные сегменты этого механизма. В. Д. Зорькин [1] обосновал концепцию баланса конституционных ценностей. Н. С. Бондарь и Э. Э. Баринов [2] разработали теорию практической конституционно-судебной аксиологии, особенно близкую северокавказской правовой школе. Целостной картины, соединяющей конституционный уровень, программно-стратегический указной слой, отраслевые федеральные законы и региональные акты Юга России, пока не предложено.

Цель статьи: реконструировать организационно-правовой каркас государственной политики по сохранению традиционных ценностей в России как иерархическую систему источников и определить место в ней северокавказского регионального сегмента. Задачи: выявить конституционное аксиологическое ядро; описать программно-стратегический слой Указа № 809 и сопряженных актов; систематизировать корпус отраслевого «защитного» законодательства; сопоставить региональные модели Юга России и Северного Кавказа; обозначить узкие места правового регулирования с предложениями *de lege ferenda*.

Методы и материалы

Методологическая основа сочетает несколько подходов. Формально-юридический метод применен к корпусу актуальных норм: ст. 67.1, 72, 75.1, 114 Конституции РФ в редакции 2020 г.; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809; Указ № 400 от 2 июля 2021 г. (Стратегия национальной безопасности); федеральные законы № 304-ФЗ, 489-ФЗ, 478-ФЗ, 479-ФЗ, 386-ФЗ, 411-ФЗ, 261-ФЗ, 32-ФЗ; распоряжение Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р. Системно-структурный метод позволил выстроить иерархическую карту источников. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении нормативных моделей Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Дагестан, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области. Эмпирическая база сформирована из открытых данных ВЦИОМ (2023-2025 гг.), ФОМ (опрос 6 сентября 2024 г.), Росстата (демографические показатели за 2024-2025 гг.) и Минюста России.

Обзор научной литературы

Российская юридическая мысль обращалась к проблематике традиционных ценностей задолго до Указа № 809. В работах Н. С. Бондаря, начиная с монографии 2013 г. и продолжая статьями последующих лет [2], сформирована концепция трехуровневой структуры конституционных ценностей: явно закрепленных, имплицитно выраженных через судебную практику, формально не зафиксированных, но действительных. Эта схема, на наш взгляд, остается наиболее операциональной для квалификации самого феномена «традиционных ценностей»: они не сводимы к перечню п. 5 Указа № 809 и одновременно не растворяются в широкой категории конституционных ценностей.

Особую роль в становлении российской конституционной аксиологии сыграли работы В. Д. Зорькина. В тексте «Под знаком обновленной Конституции» [1] председатель Конституционного Суда обосновывает идею «права метамодерна»: признание целостности и единства прошлого, настоящего и будущего как условие нормативного порядка. Однако сам же Зорькин предостерегает от попыток конституционного признания государственной идеологии, видя в этом угрозу плюрализму. Возникающее напряжение между необходимостью устойчивого ценностного фундамента и запретом ст. 13 Конституции задает рамку для всей последующей доктринальной дискуссии.

В. В. Комарова [3] квалифицирует поправки 2020 г. как закрепление новых для конституционного уровня терминов и дефиниций, часть из которых выступает целеполаганием для развития государственной и общественной жизни. Догматический аспект соотношения традиционных ценностей и конституционных ценностей наиболее последовательно раскрыт М. С. Пермиловским [4]: основу содержания конституционных ценностей образуют именно традиционные российские духовно-нравственные ценности, а конституционный контроль выступает инструментом их защиты. Развернутую дискуссию ведут К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачев и В. Е. Кондуров [5], предлагающие рассматривать традиционные ценности как контекст современной правовой политики, требующий системного нормативного закрепления механизмов их защиты в отраслевом законодательстве.

Северокавказская правовая школа представлена работами А.И. Овчинникова [6], формулирующего тезис о законодательном обеспечении защиты традиционных ценностей как условия национальной безопасности. На страницах журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» особое место занимают работы Н. Н. Апостоловой [7], связывающей духовно-нравственные ценности с природой российского права, а также М. Д. Шапсуговой [8] и Р. А. Алексеева [9], рассматривающих сопряженные сюжеты национальной политики и трудовой солидарности. Целостной типологии организационно-правового механизма защиты традиционных ценностей с учетом регионального сегмента Юга России в литературе пока не сложилось.

Конституционно-правовое аксиологическое ядро

Закон РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ ввел в состав Основного закона ст. 67.1. Часть 2 этой статьи закрепила преемственность государства и формулу «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». Часть 3 ввела категорию защиты исторической правды. Часть 4 объявила детей важнейшим приоритетом государственной политики России. Каждая из этих формулировок не имеет аналога в прежней редакции и образует, в терминологии Н.С. Бондаря, явно закреплённую конституционную ценность [2, с. 22]. Особую роль играет ст. 72, ч. 1, п. «ж.1»: к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов отнесена защита института брака как союза мужчины и женщины, защита семьи, материнства, отцовства и детства. Это не повторение формулировок ст. 38: норма перемещена на уровень разграничения предметов ведения, что превращает ее не только в декларацию, но и в основание для принятия региональных нормативных правовых актов. Так возникает региональная подсистема политики защиты традиционных ценностей.

Ст. 75.1 (новая) ввела понятие социальной солидарности и взаимного доверия государства и общества. О. С. Рыбакова [10] показала, что в совокупности указанные формулы переводят конституционно-правовую модель из либерально-индивидуалистической парадигмы в социально-солидаристскую, без отказа от прав и свобод первой главы. Ст. 114, ч. 1, п. «в» возложила на Правительство РФ обязанность обеспечивать единую социально ориентированную политику в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей. Здесь, на уровне распределения функций между ветвями власти, появилось организационное основание всех последующих стратегических документов.

Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 не только подтвердило конституционность поправок, но и сформулировало их аксиологический вектор. Цитируя Постановление КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П, суд указал, что семья, материнство и детство «в их традиционном, воспринятом от предков понимании» представляют собой ценности, обеспечивающие непрерывную смену поколений. Норма о браке как союзе мужчины и женщины, по позиции КС РФ, не носит дискриминационного характера, а отражает «сформированные социальные нормы», ориентированные на сохранение и развитие человеческого рода. В. В. Комарова [3, с. 25] квалифицирует поправки как закрепление новых для конституционного уровня терминов с целеполагающим характером; Г. Д. Садовникова [11, с. 50] фиксирует тезис о том, что только цели, основанные на традиционных ценностях, обеспечиваются народной поддержкой. Конституционный текст в редакции 2020 г. формирует не отдельные нормы, а аксиологический каркас, задающий содержание всему производному регулированию. При этом одна тонкость существенна: прямого упоминания «сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» сама ст. 114 не содержит. Эта формула закреплена в п. 26 и разделе V Стратегии национальной безопасности и в Указе № 809. Формулировка ст. 114 говорит уже: о сохранении традиционных семейных ценностей. Различие не косметическое: расширительное толкование переводит регулирование с конституционного уровня на уровень указанной нормы, что меняет правовой режим ценностной материи. Конституционное ядро имеет ясную, но узкую формулировку, тогда как расширенный перечень из семнадцати ценностей закреплён на уровне указа Президента, что юридически слабее. Эта проблема отдельно ставится в литературе с предложением принятия одноименного федерального закона.

Указ № 809 в архитектуре стратегического планирования

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 принят на основании Стратегии национальной безопасности (Указ № 400 от 2 июля 2021 г.), которая в разделе V (п. 84-93) определила защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве восьмого из девяти стратегических национальных приоритетов. Структура Основ включает 32 пункта, объединённых в пять разделов: общие положения; оценка ситуации, угрозы и риски;

цели и задачи; инструменты реализации; ожидаемые результаты. Этот пятичленный каркас не случаен, он повторяет структуру стратегического планирования по ФЗ № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». По юридической природе Основы являются президентским актом программно-стратегического целеполагания. А не федеральным законом; их регулятивное значение состоит в постановке целей, координации публичной власти и задании понятийных ориентиров, но не в самостоятельном введении составов ответственности, ограничений прав или обязанностей частных лиц вне законодательной опоры.

Легальная дефиниция содержится в п. 4: традиционные ценности определены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Юридически такая дефиниция выполняет одновременно несколько функций: задает предмет регулирования; ограничивает дискрецию правоприменителя; вводит признак идентификации того, что подлежит защите.

Перечень из семнадцати ценностей в п. 5 дублирует п. 91 Стратегии национальной безопасности, что обеспечивает согласованность двух стратегических документов разного уровня. Однако внутренние коллизии перечня очевидны: возможны конфликты между «жизнью» и «служением Отечеству и ответственностью за его судьбу» (готовность к жертвенному поведению), между «коллективизмом» и «правами и свободами человека», между «приоритетом духовного над материальным» и «созидательным трудом». Подобная критика отражает не столько порок самого перечня, сколько отсутствие предусмотренной процедуры разрешения коллизий: п. 6 Основ упоминает христианство, ислам, буддизм, иудаизм с особой ролью православия, но не дает алгоритма иерархизации перечисленных ценностей в случае их столкновения.

Угрозы и риски (п. 13-17 Основ) сформулированы юридически плотно. К деструктивной идеологии отнесены: культивирование эгоизма, вседозволенности и безнравственности; отрицание идеалов патриотизма; разрушение традиционной семьи через пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений; деятельность экстремистских и террористических организаций; действия США и других недружественных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций. Эта часть Основ задает основания для последующих ограничительных норм.

Инструменты реализации (п. 25-28) разделены на четыре категории: правовые (нормотворчество на трех уровнях), организационные (мониторинг, контроль за бюджетным финансированием, ценностная экспертиза проектов), научно-аналитические (исследования, методические рекомендации), информационные (взаимодействие со СМИ). Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р утвержден план реализации Основ на 2024-2026 гг.; именно этот документ переводит указ в плоскость поручений конкретным федеральным органам исполнительной власти. Пункт 32 предусматривает корректировку Основ не реже раза в шесть лет. К. А. Чуйченко, Н. М. Кропачев, В. Е. Кондуров [5, с. 159] справедливо отмечают: Указ № 809 формирует контекст современной правовой политики, но не заменяет собой механизмов отраслевого регулирования. Сам по себе указ не вводит запретов и не изменяет правового статуса субъектов; основная нормативная нагрузка ложится на отраслевые федеральные законы.

Корпус «защитного» отраслевого законодательства 2020–2024 гг.

Между конституционным аксиологическим ядром и Указом № 809, с одной стороны, и реальными правоотношениями, с другой, лежит слой отраслевых федеральных законов 2020–2024 гг. Его целесообразно анализировать не как простую сумму запретов, а как совокупность нескольких регулятивных траекторий. Первая траектория – социализационно-

воспитательная: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ закрепил воспитание на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, ввел ст. 12.1 ФЗ № 273-ФЗ и обязательную рабочую программу воспитания; Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ и последующие поправки 2024 г. придали духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодежи статус самостоятельных направлений публичной политики. Здесь аксиологическое содержание приобретает не карательную, а организационную форму.

Вторая траектория – информационно-ограничительная. Федеральные законы от 5 декабря 2022 г. № 478-ФЗ и № 479-ФЗ, а также законы 2024 г. о запрете пропаганды идеологии чайлдфри расширили сферу административно-правовой охраны публичной коммуникации. Их общая закономерность состоит в переносе акцента с общего декларирования защиты семьи и детства на регулирование информационной среды: право реагирует не на частное поведение как таковое, а на публичное распространение моделей, квалифицированных законодателем как деструктивные. Такая техника усиливает охранительный потенциал механизма, но одновременно требует повышенной определенности составов правонарушений.

Третья траектория – статусно-семейная и биомедицинская. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ, запретивший медицинские вмешательства, направленные на смену пола, одновременно затронул медицинское, семейное и регистрационное право; последующие изменения в СК РФ и ФЗ № 143-ФЗ показывают, что защита традиционных ценностей здесь осуществляется через уже существующие институты правового статуса, брака, усыновления и опеки. В этом сегменте особенно заметна межотраслевая природа регулирования: ценностный мотив не создает новый кодекс, а переориентирует действующие правовые конструкции.

Отдельный блок образуют нормы, связанные с историко-патриотической и оборонной повесткой: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ, ст. 20.3.3 КоАП РФ, обновленная Стратегия противодействия экстремизму 2024 г., а также решение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. по административному делу № АКПИ23-990с. Эти акты не всегда прямо апеллируют к Указу № 809, но функционально работают на защиту тех элементов ценностного контура, которые связаны с патриотизмом, исторической памятью и гражданским единством.

Тем самым «защитное» законодательство имеет смешанную юридическую природу: оно включает запретительные, организационные и стимулирующие элементы. Его развитие обнаруживает общую закономерность перехода от декларации ценностей к отраслевым механизмам их правовой охраны, однако результативность такого перехода не может измеряться только количеством запретов. Для оценки необходимы критерии правовой определенности, соразмерности ограничения прав, согласованности с конституционными принципами и измеримых социальных эффектов. В этом смысле вывод Н.В. Летовой [12, с. 55] о морально-нравственной основе государства требует дополнения инструментами юридической проверки качества регулирования.

Региональная модель субъектов СКФО и ЮФО

На уровне субъектов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов единый рамочный закон о традиционных ценностях не принят; реализация Указа № 809 идет через комплекс отраслевых актов и государственных программ. При этом региональный контур далеко не однороден. Чтобы избежать оценочной произвольности, региональные модели сопоставляются ниже по четырем параметрам: концептуальное закрепление ценностной политики; программно-бюджетная обеспеченность; наличие отраслевых юридических инструментов в сфере семьи, образования, профилактики и культуры; институциональная координация с общественными и конфессиональными субъектами. Термин «зрелость» используется далее только как сравнительная характеристика полноты этих параметров.

Чеченская модель. Указ Главы Чеченской Республики от 5 октября 2021 г. № 177 утверждает Единую Концепцию духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения, выстраивающую аксиологическую триаду: гражданственность, религиозные ценности (ислам традиционных направлений), вайнахские адаты как этнокультурный пласт. Закон ЧР от 28 декабря 2023 г. № 73-РЗ кодифицирует региональную семейную политику в форме закона о многодетной семье. Эта модель показательна тем, что задолго до Указа № 809 предложила собственную интеграцию государственной, конфессиональной и обычной аксиологии.

Ингушская модель. Постановление Правительства РИ от 9 сентября 2014 г. № 175 утвердило государственную программу с прямой подпрограммой «Духовно-нравственное воспитание населения» (единственной в СКФО), что юридически делает Ингушетию первым субъектом, где категория «духовно-нравственное воспитание» получила прямое программно-бюджетное оформление. Дагестанская модель. Закон РД от 2 октября 1995 г. № 6 «О государственных наградах Республики Дагестан» в редакции от 10 ноября 2020 г. № 65 учредил медаль имени Амет-Хана Султана «За вклад в патриотическое воспитание молодежи»; в январе 2026 г. Народное Собрание РД приняло в первом чтении законопроект о расширении задач патриотического воспитания. Дагестанская модель строится преимущественно через стимулирующее регулирование (награды, проекты, мероприятия), а не через запреты или императивные предписания.

Кубанская модель. Закон Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае», известный как «детский закон», прямо включает положение о духовном и нравственном развитии детей (ст. 3) и возрастные ограничения нахождения несовершеннолетних в общественных местах. Этот акт нередко характеризуют как пример превентивного регулирования аксиологического содержания через институт защиты несовершеннолетних. Ставропольская модель. Государственная программа «Межнациональные отношения, профилактика терроризма и поддержка казачества» (постановление Правительства края от 29 декабря 2018 г. № 623-п) соединяет межнациональную политику с поддержкой казачьей идентичности (численность членов казачьих обществ выросла с 1600 до 1810 человек).

Североосетинская модель. Государственная программа «Развитие межнациональных отношений в РСО-Алания» на 2019-2025 гг. реализуется во взаимодействии с Владикавказской и Аланской епархией РПЦ, Духовным управлением мусульман РСО-Алания и носителями традиционных верований осетин (всего в республике учтено 14 конфессий и 110 религиозных организаций), что является редким примером прямого включения этнических традиционных верований в нормативный контур региональной политики. Ростовская область. Областной закон «О патриотическом воспитании граждан в Ростовской области» (2014 г.) – пионерный акт Юга России в данной сфере; доктринальная разработка темы ведется здесь системно [8; 9].

Если применить названные критерии, концептуально-нормативная зрелость наиболее заметна у чеченской модели, программно-бюджетная оформленность – у ингушской, превентивное юридическое регулирование – у кубанской, содержательная этнокультурная детализация – у североосетинской. Координация политики осуществляется через сотрудничество с муфтиятами субъектов и православными митрополиями, а Всемирный русский народный собор инициировал создание при главах субъектов РФ советов по сохранению традиционных ценностей. Следовательно, северокавказский сегмент можно характеризовать как более оформленный по совокупности критериев, но не как безусловно завершенную или универсальную модель. Его значение состоит в том, что он показывает разные способы соединения федеральных ориентиров с региональными социальными институтами.

Доктринальная дискуссия о соотношении традиционных и конституционных ценностей

Соотношение традиционных духовно-нравственных ценностей и конституционных ценностей превратилось к 2024-2025 гг. в одну из активных тем российской конституционно-правовой мысли. Тезисно можно выделить три позиции. Позиция тождества: Г.Д. Садовникова [11, с. 50] и М.С. Пермиловский [4, с. 22] настаивают, что содержательное ядро конституционных ценностей образуют именно традиционные российские духовно-нравственные ценности; конституционные ценности при таком подходе оказываются юридической оболочкой, а традиционные ценности – их содержанием. Позиция иерархии: Н.С. Бондарь и В. Д. Зорькин (в работах последних лет) [2; 1] трактуют конституционные ценности шире, охватывая и универсальные правовые принципы (верховенство права, разделение властей, правовое равенство), а традиционные ценности образуют лишь социокультурное основание; традиционные и конституционные ценности соотносятся как часть и целое. Позиция напряжения: А. А. Кондрашев в более ранней статье 2017 г. обосновывает возможность конфликтов и девальвации конституционных ценностей, требующих судебного конституционного разрешения; Е. И. Колюшин [13, с. 9] добавляет к этой позиции концепт «ценности правды»: правовая система не может функционировать, если ее аксиологическое содержание систематически расходится с социальной практикой.

К каждой из позиций прилегают свои методологические оговорки: сторонники тождества рискуют свести конституционализм к традиционализму, что противоречит ст. 13 Конституции; сторонники иерархии должны объяснить устойчивость «универсальных» конституционных принципов в условиях, когда сама универсальность поставлена под сомнение в международном дискурсе; сторонники напряжения, наиболее реалистичные эмпирически, обязаны предложить процедуру разрешения коллизий, а здесь доктринальные ресурсы пока ограничены. Особое место занимает проблема юридической силы Основ. В научной литературе [14, с. 13] обоснованно поднят вопрос о трансформации Указа № 809 в одноименный федеральный закон. Аргументы в пользу: устойчивость регулирования; парламентская легитимация; возможность системного включения в кодифицированные акты. Контраргументы: гибкость указной формы; возможность оперативной корректировки; межотраслевая координация без необходимости отдельных кодификационных решений. На наш взгляд, разумным компромиссом было бы принятие рамочного федерального закона с отсылочной техникой, где сохранялась бы роль Основ как программно-стратегического документа, но с парламентским закреплением ключевых дефиниций и процедур.

Самая тонкая часть дискуссии связана со ст. 13 Конституции, прямо запрещающей государственную идеологию. В.Д. Зорькин выразил эту тонкость с присущей ему точностью: всплеск активности по поводу выработки и конституционного признания государственной идеологии представляется как минимум несвоевременным, а как максимум опасным. При этом сам Указ № 809 в п. 4 квалифицирует традиционные ценности как нравственные ориентиры, а не как мировоззренческую систему, обязательную к разделению. Эта квалификация, на наш взгляд, юридически выверена: она позволяет защищать ценности от внешнего разрушения, не превращая их в нормативно обязательное мировоззрение.

Эмпирическая база и проблема эффективности правового регулирования

Вопрос об эффективности нормативного механизма не сводится к юридической технике, он требует обращения к эмпирике. По данным ВЦИОМ (опрос «Традиционные ценности: ожидание и реальность», 8 июля 2025 г., n=1600), 84 % россиян поддерживают сохранение традиционных семейных ценностей; для сравнения, в 2023 г. этот показатель составлял 77 %. Топ-3 ценностей по их собственной важности: крепкая семья (68 %), историческая память (33 %), гордость за страну (30 %). Уровень самоидентификации россиян как патриотов достиг 94 %, что является историческим максимумом.

По данным ФОМ (опрос от 6 сентября 2024 г., n=1500, 53 субъекта РФ), 85 % респондентов самоидентифицируются как приверженцы традиционных ценностей. При этом обнаруживается «парадокс зеркала»: о себе так говорят 85%, а о россиянах в целом этот тезис разделяют только 48 %. Иными словами, общественная риторика о «деградации нравов» проецируется не на собственную группу, а вовне. Этот феномен заслуживает отдельного юридико-социологического осмысления, поскольку он создает завышенные ожидания от запретительного регулирования.

Демографическая картина иная. По данным Росстата, в 2024 г. родилось 1 222 408 детей (на 3,4 % меньше, чем годом ранее), это минимум с 1999 г. Суммарный коэффициент рождаемости: 2023 г. – 1,41; 2024 г. – 1,40; декабрь 2025 г. – 1,374. Естественная убыль населения в 2024 г. составила 596,2 тыс. человек, увеличившись на 20,4 %. Региональный разрез показывает рост рождаемости в Адыгее, Крыму, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании и Чеченской Республике, при одновременном сокращении разводов в субъектах СКФО на 21,4 %. Эти данные фиксируют несинхронность между высокой декларативной поддержкой традиционализма и репродуктивным поведением в среднем по стране, но сами по себе не доказывают прямой причинной связи между нормативным механизмом и рождаемостью. Демографические показатели зависят от возрастной структуры, уровня доходов, жилищных условий, трудовой занятости, миграции и долгосрочных семейных стратегий. В регионах с более устойчивыми конфессиональными и этнокультурными практиками допустимо говорить о вероятном влиянии социальных институтов, но не об изолированном действии правовой нормы. Поэтому эмпирическая часть скорее обосновывает гипотезу о недостаточности одного нормативного закрепления аксиологического содержания, чем итоговый вывод о неэффективности всего механизма. Необходимым направлением остается дополнение запретительного регулирования стимулирующими нормами налогового, жилищного и трудового законодательства в пользу семей с детьми, что соответствует подходам О. С. Рыбаковой [10] и Н. В. Летовой [12].

Выводы

Проведенный анализ показал, что к 2026 г. государственная политика Российской Федерации по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей оформилась как трехуровневая нормативная архитектура. Конституционное аксиологическое ядро (ст. 67.1, 72, 75.1, 114 Конституции в редакции 2020 г.) формирует исходные категории. Программно-стратегический слой (Стратегия национальной безопасности 2021 г., Указ № 809 2022 г., Основы культурной политики, Стратегия противодействия экстремизму 2024 г.) задает приоритеты, определения и инструменты [15, с. 21]. Отраслевая операционная надстройка (Федеральные законы № 304, 489, 478, 479, 386, 411, 32, 261 и сопряженные акты) обеспечивает реальное правовое воздействие. Эту структуру правомерно рассматривать как самостоятельный нормативный комплекс на стыке конституционного, административного, информационного и уголовного права.

Региональный сегмент Северного Кавказа и Юга России, при отсутствии единого рамочного закона о традиционных ценностях, демонстрирует нормативную и программную зрелость. Чеченская концепция духовно-нравственного воспитания (Указ Главы ЧР от 5 октября 2021 г. № 177) выступает наиболее проработанным концептуальным образцом; ингушская программа с самостоятельной подпрограммой «Духовно-нравственное воспитание населения» демонстрирует пример программно-бюджетного оформления категории; краснодарский «детский закон» № 1539-КЗ предлагает превентивную модель защиты несовершеннолетних с прямым включением аксиологической нормы; североосетинская модель уникальна тем, что включает в нормативный контур этнические традиционные верования. Обобщая, северокавказский сегмент представляет наиболее зрелую территориальную

проекцию государственной политики защиты традиционных ценностей в России. Эмпирические данные ВЦИОМ, ФОМ и Росстата фиксируют разрыв между высокой декларативной общественной поддержкой и реальным демографическим поведением. Этот разрыв ограничивает эффективность исключительно запретительного регулирования. В литературе сформировались три позиции по соотношению традиционных и конституционных ценностей: тождество, иерархия, напряжение [4; 11; 2; 13]. Наиболее операциональной, на наш взгляд, является разновидность позиции иерархии: традиционные ценности образуют социокультурное основание конституционного порядка, не сливаясь с ним и не отождествляясь с государственной идеологией в смысле ст. 13 Конституции.

Сформулируем предложения *de lege ferenda*. Во-первых, возможна разработка рамочного федерального закона «О защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей» с отсылочной техникой к Основам, утвержденным Указом № 809; такой закон позволил бы парламентски легитимировать ключевые дефиниции, сохраняя за указом статус программно-стратегического документа. Во-вторых, институт ценностной экспертизы проектов нормативных правовых актов может быть оправдан только при четком процедурном ограничении: субъектами экспертизы, Общественная палата, научные организации и общественные советы; представители традиционных конфессий могут участвовать консультативно по вопросам семьи, образования, культуры и исторической памяти, но не обладать правом вето. Такая экспертиза должна проводиться на стадии общественного обсуждения или оценки регулирующего воздействия, завершаться мотивированным заключением и проверять проект на соответствие ст. 13, 14, 19, 28 и 55 Конституции РФ, принципам светского государства, идеологического многообразия, равенства и соразмерности ограничения прав. В-третьих, целесообразна кодификация регионального законодательства о духовно-нравственном воспитании на уровне модельного закона субъекта РФ; опыт Чеченской Республики, Ингушетии и Краснодарского края дает достаточный материал для такой работы. В-четвертых, оправдано расширение полномочий межведомственной комиссии по историческому просвещению, учрежденной Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, с включением в ее задачи координации мониторинга реализации Основ. Эффективность всей системы требует не только нормативной плотности, но и реальной трансформации сопряженных институтов: семейного, налогового, жилищного, трудового регулирования. Без этого разрыв между декларацией и поведением, зафиксированный социологическими и демографическими данными, сохранится. А это обесценивает самую тонкую и юридически проработанную часть нормативного каркаса. Перед российской юридической наукой открывается обширное поле системного исследования, в котором региональный сегмент Юга России и Северного Кавказа обещает стать одним из наиболее плодотворных направлений, как уже предвосхитили Г. Г. Небрятенко и С. В. Студеникина [16].

Список источников

1. Зорькин В. Д. Под знаком обновленной Конституции: Конституционная основа социальной интеграции России // Журнал Конституционного правосудия. 2023. № 4. С. 1-8. <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2023-4-1-8>. EDN: QXFBXS
2. Бондарь Н. С., Баринев Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3-12. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-3-10>. EDN: KUSFRH
3. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 22-31. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031>. EDN: WZQYLQ

4. Пермиловский М. С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20–24. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24>. EDN: KAAFLJ
5. Чуйченко К. А., Кропачев Н. М., Кондуров В. Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 156–165. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201>. EDN: BBHZNJ
6. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-1-4>. EDN: QQZJBP
7. Апостолова Н. Н. Духовно-нравственные ценности – основа российского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 7–13. EDN: NWJFGQ
8. Шапсугова М. Д. Труд как энергия, фактор производства и материальный источник права в обществе солидарности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 123–128. EDN: ECRQSQ
9. Алексеев Р. А. Конституционно-правовое обеспечение национальной политики России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 94–99. EDN: ZKMAJQ
10. Рыбакова О. С. Конституционные основы российской государственной политики в сфере защиты семьи и традиционных семейных ценностей // Lex russica. 2024. Т. 77. № 11. С. 92–110. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.216.11.092-110>. EDN: NFUAYE
11. Садовникова Г. Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 45–53. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053>. EDN: IZOJKE
12. Летова Н. В. Традиционные семейные ценности: морально-нравственная основа государства // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 53–60. <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060>. EDN: OABAKP
13. Колюшин Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-2-8-14>. EDN: COCSAP
14. Алексеев Р. А. Основные векторы государственной политики Российской Федерации в ценностно-программных нормативных документах // Журнал политических исследований. 2026. Т. 10. № 1. С. 3–16. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-3-16>. EDN: DMQVQM
15. Шакурова Н. Е. Духовно-нравственные ценности как элементы национальной безопасности России // Журнал политических исследований. 2026. Т. 10. № 1. С. 17–26. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-17-25>. EDN: TTQKOW
16. Небратенко Г. Г., Студеникина С. В. Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 4. С. 24–30. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-24-30>. EDN: ZRABZH

References

1. Zorkin V.D. Under the sign of the renewed Constitution: The constitutional foundation of social integration of Russia. *Journal of Constitutional Justice*. 2023;(4):1–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2023-4-1-8>. EDN: QXFBXS
2. Bondar N.S., Barinov E.E. Axiology of the constitutional worldview. Part II. The value dimension of the constitutional worldview in the coordinates of constitutional justice. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;(2):3–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-3-10>. EDN: KUSFRH
3. Komarova V.V. Constitutional reform of 2020 in Russia (some aspects). *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(8):22–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031>. EDN: WZQYLQ

4. Permilovsky M.S. Traditional Russian spiritual and moral values and Russian constitutional values: dogmatic correlation. *State Power and Local Self-government*. 2023;(11):20–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24>.
5. Chuychenko K.A., Kropachev N.M., Kondurov V.E. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of modern legal policy. *Pravovedenie*. 2024;68(2):156–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.201>. EDN: BBHZZHJ
6. Ovchinnikov A.I. National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative provision. *Bulletin of the law faculty, Southern federal university*. 2022;9(1):35–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-1-4>. EDN: QQZJBP
7. Apostolova N.N. Spiritual and moral values as the basis of the Russian state and law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):7–13. (In Russ.). EDN: NWJFGQ
8. Shapsugova M. D. Labor as energy, a factor of production, and a material source of law in a society of solidarity. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):123–128. (In Russ.). EDN: ECRQSQ
9. Alekseev R.A. Constitutional and legal support of the national policy of Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):94–99. (In Russ.). EDN: ZKMALQ
10. Rybakova O. S. Constitutional foundations of the Russian state policy in the sphere of family protection and traditional family values. *Lex russica*. 2024;77(11):92–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.216.11.092-110>. EDN: NFUAYE
11. Sadovnikova G.D. 30 years of the Constitution of the Russian Federation: traditional values and new priorities. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(10):45–53. (In Russ.). С. 45–53. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053>. EDN: IZOJKE
12. Letova N. V. Traditional family values: the moral and ethical basis of the state. *Gaps in Russian Legislation*. 2024;17(1):53–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060>. EDN: OABAKP
13. Kolyushin E.I. The values of truth in the state (constitutional) law of Russia. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;(2):8–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-2-8-14>. EDN: COCSAP
14. Alekseev R.A. The main vectors of the state policy of the Russian Federation in the value-programmatic normative documents. *Journal of Political Research*. 2026;10(1):3–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-3-16>. EDN: DMQVQM
15. Shakurova N.E. Spiritual and moral values as elements of Russia's national security. *Journal of Political Research*. 2026;10(1):17–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2026-10-1-17-25>. EDN: TTQKOW
16. Nebratenko G.G., Studenikina S.V. Normative and legal consolidation of the state policy for the preservation of traditional Russian spiritual and moral values. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(4):24–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-24-30>. EDN: ZRABZH

Информация об авторе

Н. Е. Шакурова – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права, Государственный университет просвещения; доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

N.E. Shakurova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Law, State University of Education; Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 28.05.2026.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 28.05.2026.